

Уголовная политика в контексте рассуждений о случайности и событийности

Юрий Евгеньевич Пудовочкин¹, доктор юридических наук, профессор

Михаил Матвеевич Бабаев², доктор юридических наук, профессор

¹ Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Москва (125993, ул. Садовая-Кудринская, д. 9), Российская Федерация

² Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
Москва (121069, ул. Поварская, д. 25 стр. 1), Российская Федерация

¹ 11081975@list.ru, ² babaevmm@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>, ² <https://orcid.org/0000-0003-1656-2529>

Аннотация:

Введение. Гносеология общественных наук постепенно преодолевает принцип жесткой детерминации социальных явлений и процессов, допуская факт влияния на их возникновение и развитие случайных обстоятельств. Тем не менее в уголовной политологии тема случайного не поставлена в полной мере. Случайность в уголовной политике интересна не только сама по себе, но и как исследовательский инструмент, позволяющий выявить новые значимые характеристики уголовной политики, определить нестандартные направления ее исследования. **Методы.** В предлагаемой публикации критическому осмыслению подвергнута традиционная парадигма исследования уголовной политики как объективного процесса, целенаправленно управляемого и направляемого специальными, конституционно легитимными субъектами власти. С привлечением общих логических (анализ, синтез, дедукция) и аналитических методов познания (моделирование, абстрагирование) реализован гносеологический потенциал системного и междисциплинарного подходов в выявлении новых характеристик уголовной политики через призму категории случайности. **Результаты.** Исследование охватывает три ключевых аспекта взаимосвязи «случайного» и «политического»: институциональный компонент уголовной политики, особенности процесса ее формирования и проблему детерминированности. Отмечено, что уголовная политика формируется не только формальными политическими институтами, что в механизме принятия решений значительное место занимают неформальные управленческие сети, фигура политического лидера и его окружение, что обуславливает существенное влияние субъективных факторов на содержание уголовно-политического курса. Раскрываются возможности исследования уголовной политики в контексте концепции событийной политологии, учитывающей возможность сознательного использования случайных событий в уголовной политике и сознательного конструирования событий для принятия непредвиденных решений. Анализируется проблема парадигмального сдвига в детерминации уголовной политики, превращающего ее из ретроактивного средства воздействия на последствия в проактивное средство предупреждения рисков. Изложенное позволяет глубже понять механизмы формирования и реализации уголовно-политического курса в современных условиях, где детерминированность уступает место множеству возможных сценариев развития событий.

Ключевые слова:

уголовная политика, детерминанты уголовной политики, уголовная политика как процесс, непредвиденные обстоятельства, случайность, субъекты уголовной политики, политический лидер, лоббизм, событийность уголовной политики, уголовно-политическое событие, неопределенность уголовной политики, уголовно-политический риск, непредсказуемые последствия уголовной политики

Для цитирования:

Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Уголовная политика в контексте рассуждений о случайности и событийности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 222–233.

Статья поступила в редакцию 04.06.2026;
одобрена после рецензирования 10.07.2026;
принята к публикации 25.09.2026.

Criminal policy through the lens of contingency and eventfulness

Yuri E. Pudovochkin¹, Doc. Sci. (Jurid.), Professor

Mikhail M. Babaev², Doc. Sci. (Jurid.), Professor

¹ Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, Sadovaya-Kudrunskaya str., Moscow, 125993, Russian Federation

² National Research Institute of the MIA of the Russia

25 build. 1, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

¹ 11081975@list.ru, ² babaevmm@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>, ² <https://orcid.org/0000-0003-1656-2529>

Abstract:

Introduction. The epistemology of social sciences is gradually moving beyond the principle of rigid determinism in explaining social phenomena and processes, acknowledging the role of contingent circumstances in their emergence and development. However, the role of contingency has not been fully explored in criminal policy studies. Contingency in criminal policy is of interest not only in its own right, but also as a research tool that allows for the identification of new significant characteristics of criminal policy and the determination of unconventional directions for its investigation. **Methods.** This article critically examines the traditional paradigm of criminal policy as an objective process managed by specialised, constitutionally legitimate authorities. Using general logical methods (analysis, synthesis, deduction) and analytical methods (modeling, abstraction), the study applies systemic and interdisciplinary approaches to uncover new characteristics of criminal policy through the category of contingency. **Results.** The study explores three key dimensions of the contingent-political nexus: institutional structures, policy formation processes, and determinacy. Criminal policy is shaped not only by formal institutions but also by informal governance networks and political leadership, giving subjective factors significant influence. The study reveals the potential of examining criminal policy within the framework of event oriented political science, which takes into account the possibility of the deliberate use of contingent events in criminal policy and the deliberate construction of events for the purpose of making unforeseen decisions. A paradigmatic shift is identified in criminal policy determination: from reactive consequence management to proactive risk prevention. This offers a deeper understanding of criminal policy formation and implementation in contexts where determinacy gives way to multiple possible scenarios.

Keywords:

criminal policy, determinants of criminal policy, criminal policy as a process, contingent events, contingency, actors of criminal policy, political leader, lobbying, event-driven nature of criminal policy, criminal policy event, uncertainty of criminal policy, criminal policy risk, unpredictable consequences of criminal policy

For citation:

Pudovochkin Yu. E., Babaev M. M. Criminal policy through the lens of contingency and eventfulness // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 3 (111). P. 222–233.

The article was submitted June 4, 2026;
approved after reviewing July 10, 2026;
accepted for publication September 25, 2026.

Введение

Современная гносеологическая ситуация в общественных науках характеризуется среди прочего растущим интересом к феномену случайного и непредвиденного. Идет (пусть и недостаточно активно) процесс поиска и объяснения случайностей в механизме детерминации общественных явлений, форм их выражения, последствий и т. д. Это создает хороший фон для обсуждения вопросов о том, насколько закономерны или неизбежны, насколько подвержены влиянию случайных, субъективных и личностных факторов протекающие в стране уголовно-политические процессы.

Разумеется, «стихия случайностей» и «стихия закономерностей», равно как объективные и субъективные обстоятельства формирования уголовной политики, не существуют изолированно, но сосуществуют в одном пространстве–времени, в равной и вместе с тем в разной степени влияя на происходящие уголовно-политические процессы. Однако акцентирование внимания на случайности необходимо для того, чтобы подвести читателя к формулировке исследовательских задач, решение которых составляет основной замысел настоящей публикации: является ли уголовная политика подчеркнуто детерминированным феноменом, лишь отражающим логику исторического процесса? имеет ли место фактор случайности при формировании и реализации уголовной политики? возможен ли анализ уголовной политики в методологических

рамках категории «случайность»? что может привнести такой анализ, если он возможен, в содержание уголовно-политологического знания?

Рассуждения на эту тему, насколько позволяет судить исследовательский опыт, не представлены в отечественной литературе. Уголовной политике посвящен внушительный объем публикаций. Но кто бы и что бы ни писал о ней, как бы ее ни оценивал, он исходит (по крайней мере, создается устойчивое впечатление этого) из того, что уголовная политика есть объективно детерминированный процесс, осуществляемый и целенаправленно управляемый специально созданными, конституционно легитимными институтами. Все остальное – виды институций, детерминанты осуществляемого процесса, его содержание, цели и качество – вопрос важный, но вторичный. Его решение зависит от многих обстоятельств, включая политико-правовые и мировоззренческие позиции исследователей. Но это решение в основе своей в любом случае имеет понимание уголовной политики в качестве закономерного процесса, в котором нет места случайности. Более того, именно в укреплении начал закономерности, детерминированности и прогнозируемости исследователи видят перспективы оптимизации уголовной политики [1].

Между тем должно быть очевидным, что в мире, наполненном случайными событиями, уголовная политика не может быть исключением, гарантированно защищенным от их влияния, не могут не происходить и в ней самой случайные события, равно как в социальном и гуманитарном дискурсе уголовная политология не может быть изъята из сферы рассуждений о случайном, неопределенном, многовариантном, непредвиденном. Иное допущение означало бы наличие непреодолимой фрагментаризации социальных практик и социального знания, что методологически недопустимо при любом отношении к самой идее случайности.

Предлагаемый ниже текст являет собой попытку рассмотреть уголовную политику в контексте рассуждений о случайности, непредвиденности, непредсказуемости. В силу специфики предлагаемой темы и ее новизны для нашей отрасли знаний многое в этом тексте будет вынужденным, но необходимым цитированием отдельных наработок, представленных в политологической науке, которая ближе, чем юриспруденция, подошла к познанию случайных процессов. Однако надо признать, что и в ней не представлено сколько-нибудь крупных работ, специально посвященных проблеме случайных или непредвиденных обстоятельств. Потому потребовалось в известной степени мозаичное обращение к цитатам, воссоздание на их основе некоего теоретического каркаса, который может стать основой для последующего содержательного, эмпирического наполнения.

Поскольку традиционное понимание уголовной политики видит в ней объективно детерминированный процесс, осуществляемый специальными институтами, постольку нетрадиционный взгляд будет обращен именно на эти три компонента господствующей парадигмы: институты, процессуальная упорядоченность и детерминированность. При этом сразу оговорим, что все сказанное ниже имеет своей целью не опровержение господствующих воззрений на закономерности уголовной политики, а лишь формирование дополнительной альтернативной точки зрения, аргументирующей необходимость учета элемента случайности.

Методы

В предлагаемой публикации критическому осмыслению подвергнута традиционная парадигма исследования уголовной политики как объективного процесса, целенаправленно управляемого и направляемого специальными, конституционно легитимными субъектами власти. С привлечением общих логических (анализ, синтез, дедукция) и аналитических методов познания (моделирование, абстрагирование) реализован гносеологический потенциал системного и междисциплинарного подходов в выявлении новых характеристик уголовной политики через призму категории случайности.

Результаты

Институты

В теории уголовной политики есть не вызывающие критики и не требующие опровержения суждения о том, что эта деятельность субъектна и осуществляется посредством определенных государственных органов. В зависимости от характеристики субъектов согласованно выделяются и два уровня политики: законодательный, осуществляемый законодателем, и правоприменительный, осуществляемый, соответственно, правоприменителем. Все столь же верно, на первый взгляд, сколько бессодержательно, на второй. Дело в том, что дифференциация уровней осуществления уголовной политики проводится здесь на основе недифференцированной

характеристики ее субъектов в соответствии с линейным, учебно-схематичным и оторванным от реальности представлением о разделении властей при игнорировании механизма формирования, действия и взаимодействия субъектов власти.

Законодатель – главный творец уголовной политики и, как правило, основной объект критики (или восхищения) со стороны академического сообщества – предстает в научных текстах как совершенно обезличенная структура, машина, не наполненная и не управляемая людьми, работающая не по законам человеческой деятельности, а по неким неведомым алгоритмам и схемам. Его, по идее, разноликий в социальном, экономическом, идеологическом и прочих отношениях состав игнорируется. Процесс формирования парламента вовсе не принимается во внимание, как якобы или очевидно не имеющий отношения к проблемам собственно уголовной политики.

Не меньше проблем и пробелов при обращении к правоприменительному уровню уголовной политики, где само понятие правоприменителя является просто несформированным. Учитывая, что речь идет о применении уголовного закона, в круг его субъектов, как правило, включаются суды, при этом одновременно или ставится под вопрос, или жестко оспаривается возможность осуществления ими политической функции. Что же касается органов исполнительной власти, они вообще выпадают из сферы анализа субъектов уголовной политики, хотя согласно Конституции Российской Федерации¹, именно Президент Российской Федерации определяет основные направления внутренней политики страны, в т. ч., очевидно, и политики уголовной.

В сфере познания институционализированных субъектов уголовной политики, таким образом, есть схемы и штампы, но нет наполненной реальным содержанием информации.

Между тем специальные политологические исследования весьма категорично констатируют, что «специфической и универсальной чертой политических процессов современности стала исторически обусловленная деконструкция классической модели разделения властей». «Святая святых западной цивилизации – система сдержек и противовесов в управлении государством – фактически была принесена в жертву естественному желанию обеспечить хотя бы простое воспроизводство политических систем» [2, с. 302]. Распределение полномочий между властными (законодательными) и управленческими (правоприменительными) институтами в государстве продолжает считаться идеальным, но в сложившихся политико-правовых реалиях является идеалистическим.

Академические схемы политического представительства в парламенте и последовательного разделения властей при осуществлении государственной власти на практике никогда не воплощались в чистом виде, а сегодня и вовсе подвержены существенной коррозии. Проблема реального субъекта власти, всегда беспокоившая критических политологов, в сфере уголовной политики обостряется многократно. Кто из людей или какие именно группы людей стоят за тем или иным уголовно-политическим решением – совершенно непраздный вопрос. *Qui prodest?* – в свое время вопрошала Н. Ф. Кузнецова². Рискованно смелы, но небезосновательны сегодня рассуждения Н. А. Лопашенко на этот счет: «Чаще всего мы наблюдаем хаотичные и иногда успешные попытки насаждения в уголовный закон таких изменений, которые отражают интересы небольшой группы людей (это не обязательно политики, но и, по моим представлениям, представители бизнес-сообщества; иногда думаю – даже преступных кланов)» [3, с. 79].

Нельзя однозначно сказать, выражает ли власть интересы международной буржуазии или рабочего класса, олигархической прослойки или военного истеблишмента, этнических групп, родственных кланов или организованной преступности. Даже не пытаюсь ответить на вопрос, кому она принадлежит в реальности, заметим одно: презумпция сосредоточения всей без исключения полноты власти в руках формальных, конституционно предписанных органов власти является, как минимум, опровержимой. В государственном управлении, – пишет А. И. Соловьев, – постоянно складываются различные сетевые альянсы и коалиции, обволакивающие официальные органы власти и зачастую игнорирующие как их формальные полномочия, так и принцип разделения властей. Такое инкорпорирование сетей в структуру государственного управления демонстрирует, что в ряде случаев даже центральные государственные органы власти не имеют решающего влияния на постановку ключевых целей, сохраняя за собой лишь функции поддержания технических правил целеполагания, формального проектирования

¹ Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 24.04.2025).

² См.: Кузнецова Н. Ф. Мнение ученых о реформе УК (или *qui prodest?*) // Уголовное право. 2004. № 1. С. 26–27.

и публичного оглашения принятых решений. Сетевой формат принятия государственных решений обнажает действующие поверх официальных норм и правовых регистров практики политико-административного и политико-экономического бартера, которые нередко превращают неформальные договоренности элитарных коалиций в основание правительственных стратегий, а органы государственной власти – в «институты-пустышки» [4, с. 61].

Умаление реальной значимости принципа разделения властей и параллельное сосуществование официальных и теневых сетей власти создает особенно подвижную политическую ситуацию, характеризующуюся крайней структурной и процедурной неопределенностью в вопросах выработки и принятия уголовно-политических решений. Никакие, даже самые совершенные требования к процедуре обоснования, обсуждения и принятия уголовных законов в данном случае не спасут, в т. ч. и по причине того, что сосуществование официальных и теневых каналов власти порождает и подпитывается существованием наряду с официальным и теневым правом.

Важнейшее значение в подобной ситуации приобретает фигура политического лидера, который упорядочивает, координирует, налаживает взаимодействие официальных и теневых структур. Не секрет, что в современной России государственная власть замкнута на фигуре президента, и вся политическая система выстроена так, что от его позиции и личного отношения фактически зависит каждый российский гражданин. Именно он в режиме «ручного управления» может решить по сути любой вопрос, относящийся к государственной компетенции, в т. ч. в правовой области [5, с. 247]. Эти, на первый взгляд, обыденно-житейские наблюдения приобретают принципиально иную окраску, если их рассматривать как политико-правовой факт.

Не меньшее значение для принятия решений имеет и создаваемая лидером особая управленческая структура, призванная обеспечить выполнение им этих задач. Именно сюда смещается реальный «центр силы», центр принятия решений, хотя об этом «центре» и его роли в формировании уголовной политики страны в публичном пространстве практически ничего неизвестно³. Превращаясь в особый механизм выработки инициированных лидером решений, – продолжает свой анализ А. И. Соловьев, – эта структура компенсирует недостатки и слабости публичных институтов власти, одновременно увеличивая автономность персональных действий лидера и предоставляя ему широкие возможности для преодоления административных барьеров [4, с. 69].

Политический лидер неизбежно и неразрывно связывает содержание государственных целей со своими собственными желаниями. В политике это порождает серьезные персональные риски, замкнутые на личность политика, неустойчивость его поведения, склонность к автономии без учета коллективного характера политических действий, повышенной склонностью к риску [6, с. 68–69]. А отсюда – уже прямой путь к проявлению случайностей в политике. «Историческая случайность неразрывно связана с субъективным фактором. То обстоятельство, что в истории общества всегда действуют люди, побуждаемые идеями и обуреваемые страстями, как раз и предопределяет в значительно большей мере, чем в природе, появление исторической случайности» [7, с. 25]. Причем чем значительнее масштаб личности, тем более существенное влияние оказывает на ход истории случайность [8].

Случайность кроется и в механизме функционирования создаваемой вокруг лидера управленческой структуры. Менеджеры, обладающие способностью правильно «понимать» скрытые

³ Таким центром, в первую очередь, выступает Администрация Президента Российской Федерации. Но уверены, никто из представителей научного сообщества содержательно не ответит на вопрос о том, какую роль она играет в разработке и реализации уголовно-политической стратегии государства. Все известное знание ограничено одним всеохватывающим и бессмысленным словом – «большую». Но какова «внутренняя кухня» инициации этих решений, какова технология взаимодействия Администрации и парламента, каковы критерии отбора ключевых фигур на должности уголовно-политических стратегов, какие неформальные задачи им ставятся? Публике представлены – и то лишь номинально – руководители управлений Администрации, курирующие государственно-правовые вопросы, вопросы внутренней политики и др., остальное – скрыто от глаз. Нас могут упрекнуть, что все это имеет малое отношение непосредственно к содержанию разрабатываемых уголовно-политических решений. Но малое ли – это вопрос, учитывая, что о содержании уголовно-политической деятельности Администрации и настроениях конкретных лиц, в ней работающих, нам ничего неизвестно. Наряду с Администрацией Президента с 2020 года в структуре органов публичной власти действует формируемый и возглавляемый Президентом Государственный Совет, призванный служить целям обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства. О том, каково его место в системе субъектов уголовной политики, вовсе нет информации. Структуры подобного рода не могут не участвовать в формировании уголовной политики. Если участвуют, мы должны знать, как. Но если они в ней не участвуют, это дает основание поставить вопрос о том, насколько в принципе важна уголовная политика для современного российского государства (прим. авт.).

замыслы лидера, могут инициировать непредсказуемые для общества решения, действуя в русле нечетко артикулированных принципов, ориентируясь лишь на свой опыт и известные им ценностные приоритеты лидера [4, с. 74].

Н. А. Лопашенко уже отметила эту особенность уголовной политики, когда назвала ее политикой по принципу «чего изволите?». «Суть данной политики такова, – пишет она, – уголовный закон безжалостно кроится Государственной Думой, улавливающей (а иногда и додумывающей) малейшее неудовольствие высшего руководства страны и правоохранительных органов ситуацией в отдельных сферах жизнедеятельности государства. А уж если это руководство вдруг инициировало какой-то законопроект, то он, скорее всего, обязательно будет принят, каким бы „безумным“ он ни был» [9, с. 46].

Такая система еще более отдаляет принятие решений от конституционных формул, прежде всего от народа как единственного носителя власти и источника государственного суверенитета. Властная номенклатура становится все более изолированной от народных масс. Даже в условиях демократии, – заключает А. И. Соловьев, – обращение лидера к населению по тем или иным вопросам в значительной мере носит символический характер. Население является той «бесполезной общественностью», которая не имеет возможности оказывать воздействие на цели государства и присутствует в планах лидера лишь в виртуально-символической форме» [4, с. 75].

Мы, разумеется, сознаем, что все описанное выше может быть воспринято как критическая (кто-то скажет, критиканская), не имеющая доказательств гипотеза, неverifiedируемая, а потому и ненаучная информация, ни много ни мало – дискредитирующая власть. Однако именно в этом случае, как представляется, отсутствие прямых доказательств наличия не равно наличию доказательств отсутствия. Во-первых, изложенная информация аккумулируется политологической наукой, в которой она представлена не как частное мнение, а как давно сложившийся, прочно устоявшийся теоретический подход. Во-вторых, не стоит забывать, что правовой науке известно понятие косвенных доказательств, совокупная оценка которых позволяет делать обоснованные объективные выводы⁴.

Сканирование уголовной политики под предложенным углом зрения позволяет увидеть явные намеки на неформальные механизмы, интуитивную или сознательную ориентацию на желания лидера, доминирующее влияние факторов субъективного порядка в таких актах, как кадровые назначения на ключевые должности в судебной и правоохранительной системах, стремительное, мгновенные и непрогнозируемые изменения и коррективы правоприменительной практики в ответ на кадровые назначения, сверхскоростное и уже потому лишенное детального обсуждения, едва ли не единогласное утверждение законов в парламенте, ничем не объяснимое (непостижимое) принципиальное изменение оценки опасности одних и тех же деяний, отсутствие альтернативных проектов законов по любому из уголовно-правовых вопросов, лоббизм и др.

Процессуальная упорядоченность

В традиционных рассуждениях об уголовной политике она всегда представляется как строго упорядоченная деятельность, осуществляемая по заранее известному канону: от сбора информации о потребности общества в уголовно-правовом противодействии тем или иным

⁴ Это ставит серьезный методологический вопрос о поиске источников эмпирического подтверждения тех или иных предположений, связанных с установлением истинного творца, бенефициара или противника уголовно-политического решения. Очевидно, что это не те источники, с которыми привыкла обращаться уголовно-правовая наука. Среди них особое место будет принадлежать источникам личного происхождения – биографиям, интервью и воспоминаниям непосредственных участников уголовно-политических процессов.

Приведем только один, очень известный, но не вовлеченный ни в орбиту политического разбирательства, ни в орбиту собственно научного исследования пример. Речь идет о громких заявлениях вице-спикера Государственной Думы Российской Федерации Л. Слиски, председателя комитета Государственной Думы Российской Федерации по вопросам семьи, женщин и детей Е. Мизулиной и Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации П. Астахова, сделанных в 2010 году, и касающихся наличия «педофильного лобби в Государственной Думе», сопротивляющегося принятию уголовных законов, нацеленных на усиление борьбы с сексуальными преступлениями против детей. Весьма откровенные заявления Л. Слиски раскрывают много сокровенного в истинном механизме принятия закона: «Я с этим столкнулась еще в 3-й думе, когда мы делали поправки в Уголовный кодекс и повышали планку согласия по ненасильственным сексуальным преступлениям с 14 до 16 лет. Все было согласовано с администрацией президента, с самим президентом, но хотя он и поддержал нашу поправку, мы действительно встретили очень серьезное сопротивление при проведении этой поправки»; «Есть серьезные противники, которые, действительно, мешают заниматься этими проблемами. Я подтверждаю» (Слиска Л.: В Госдуме есть педофильское лобби // Деловой Петербург (DP.RU) : [сетевое издание]. URL: https://www.dp.ru/a/2010/06/09/Ljubov_Sliska_v_Gosdume (дата обращения: 09.05.2026)). В этом высказывании интересно все: и «лобби», противодействующее принятию закона, и факт его согласования – цитируем еще раз – с самим (!) Президентом.

Вообще, в средствах массовой информации много информации о лоббировании в российском парламенте. Но под углом зрения формирования и реализации уголовной политики она никогда не анализировалась (прим. авт.).

негативным явлениям до реализации требований уголовного закона в правоприменительной деятельности судов и органов исполнения наказаний. При этом, следуя опять же классическому представлению об уголовном праве как о последнем доводе власти, уголовной политике предписывается вспомогательная, обеспечительная, вторичная по сути роль, зависящая как от целей и результатов «большой политики», так и от состояния преступности.

Зависимость, управляемость, планомерность, предсказуемость – характеристики, позволяющие рассматривать уголовную политику как плавный, непрерывный управленческий процесс, в котором каждое последующее решение и действие определяются результатами предыдущих решений и действий. В таком процессном представлении каждый в отдельности уголовно-политический акт не получает особого самостоятельного значения, но выступает как звено в общей цепи решений. Между тем в современной политологии такое представление о политическом процессе существенным образом скорректировано в рамках научного направления, получившего название «политология событийности».

«Событие» стало научной категорией, которая вбирает в себя содержание таких понятий, как «факты», «явления», придавая им качественно новое содержание и значение [10, с. 112]. Ключевая характеристика события – его связь с политической ситуацией и масштаб влияния на нее, который сознательно формируется посредством интерпретации того или иного факта. Интерпретацию факту всегда задают конкретные люди, прежде всего, политики. И эта человеческая деятельность вносит в политический процесс много непредопределенного, поскольку воля и намерение политических акторов играют существенную роль [11, с. 6]. Как пишет Н. В. Шатина, политическое событие не совпадает с реальным фактом; политический факт может стать (или не стать) основанием политического события в результате его введения в публичное поле с помощью различных средств, каналов и механизмов коммуникации. Резонанс, вызванный политическим событием (а точнее интерпретацией этого события), определяет значимость факта, может привести к определенным политическим последствиям или быть использованным для того, чтобы произвести политические изменения [12, с. 217]. Последнее особенно важно. Д. И. Аксеновский уточняет: при более внимательном рассмотрении прилагательное «политическое» в словосочетании «политическое событие» обозначает отнюдь не связь, а разрыв с существительным «политика» [13, с. 25]. Политическое событие – не столько явление, вытекающее из осуществления политического курса, сколько привносимый в область политического факт, благодаря интерпретации и оценке которого власть имеет возможность изменить текущую политику, придать ей новый вектор. В событии как разрыве с существующим порядком выявляется истина порядка и новое начало [14, с. 123]. Именно поэтому в значительной части случаев событие сознательно конструируется (в т. ч. и из случайных фактов) посредством политтехнологий и PR-кампаний.

Привнесение событийной логики в сферу анализа уголовной политики – новый и неизведанный сюжет. Существуют ли в принципе уголовно-политические события? Конструируются ли они сознательно политтехнологами? Каковы явные и латентные цели таких событий? Эти вопросы еще не были поставлены в науке. Между тем представляется, что их обсуждение может быть крайне полезным.

Не вникая в содержательный анализ, можно предположить, что на событийный статус в уголовной политике могут претендовать две категории фактов:

- первая группа связана с использованием потенциала уголовного права для корректировки или поддержки политического курса, когда из ординарного уголовно-правового факта конструируется политическое событие, последствия которого выходят далеко за пределы самого этого факта, в широкую область социальных, политических и иных отношений (таковы, например, факты уголовного преследования и осуждения руководителей компании «Юкос» с последующим помилованием одного из них);

- вторая группа включает в себя социальные факты, в т. ч. и криминальные, на основе которых конструируется и иногда претворяется в жизнь потребность в каком-либо уголовно-правовом запрете или ином уголовно-правовом решении (так, например, террористический акт в «Крокус Сити Холле» послужил мощным стимулом к обсуждению на всех уровнях «спящей» проблемы восстановления смертной казни в числе применяемых видов наказаний; неоправдываемые пляски разнузданных девиц в храме вызвали реакцию в виде существенной корректировки ряда статей уголовного закона об ответственности за преступления против общественного порядка и против конституционных прав граждан; издевательства над осужденными в колониях вызвали масштабное реформирование норм о должностных преступлениях и посягательствах на здоровье).

И в том, и в другом случае конкретный социальный факт получает мощное информационное сопровождение, продвигается в медиапространстве, подается и интерпретируется таким образом, чтобы дать возможность власти принять некое значимое решение или подать обществу некий недвусмысленный сигнал.

Сама по себе такая схема, пожалуй, вполне допустима и не может вызывать критику или нарекания. Уголовное право всегда мыслилось и как предупреждающее средство, посылающее мощный информационный сигнал социуму, и как средство реактивное, выступающее ответной защитной реакцией на существующие в социуме негативные явления. Проблема видится в ином.

Во-первых, событийный сценарий развития уголовного права лишен внутренней логики и последовательности, которая была бы доступна для понимания широкой публикой или хотя бы экспертным сообществом. Это не значит, что такой логики нет вовсе. Законодатель, сколь бы безумными ни были его решения, не безумец. Он формирует и реализует вполне определенный политический курс. Правда, логика и цели этого курса остаются известными лишь самому законодателю (или тем сетевым структурам и центрам силы, которые стоят за принятием законов).

Во-вторых, событийный сценарий предполагает реальную возможность сознательного конструирования уголовно-политического события с использованием PR-технологий, целенаправленным формированием общественного мнения для инициирования и поддержки того или иного уголовно-политического решения. Стоит ли говорить, что провокация и манипуляция в таких условиях становятся не только возможными, но и желательными.

В-третьих, событийный сценарий развития уголовного права, сознательно и со скрытым смыслом продвигаемый, оказывается, как правило, далеким от смысла самого уголовного права, от его идей, принципов, теоретических канонов. Он позволяет использовать уголовное право подчеркнуто утилитарно, инструментально и без оглядки на его внутренние закономерности, что приводит к разбалансировке системы этой отрасли права, а по сути делает уголовную политику чередой случайностей.

Подключение методологических возможностей событийной политологии к анализу уголовной политики предполагает не только выявление, распознавание уголовно-политических событий, но и, что гораздо важнее, открытие их подлинного смысла. Речь идет о смысле не только каждого единичного события, но и их совокупности. Поскольку политический курс с необходимостью осуществляется только через множество акций, постольку политическое событие никогда не является изолированным, единичным явлением, но всегда предполагает их некоторое множество. А потому надо уметь за чередой отдельных событий разглядеть связывающие их узы и на этой основе раскрыть подлинный политический и уголовно-политический замысел власти. По этому поводу О. Я. Гелих писал, что принцип случайности позволяет раньше и глубже увидеть момент становления ситуации, детерминированной единичной случайностью. Именно анализ череды, совокупности всех разрозненных фактов позволяет обнаружить то, как единично случайные явления, взятые вместе, отражают тенденцию в детерминации политической обстановки, сливаются в необходимость⁵. Только декодируя событийную природу отдельных уголовно-политических решений и связывая их в единую цепь, можно установить то, что составляет существо текущего уголовно-политического курса, дает возможность рассматривать такие решения не как ошибки или отступления от курса, а как демонстрацию новой модели уголовной политики.

Детерминированность

Детерминированность уголовной политики может пониматься в двух непротиворечащих друг другу и взаимосвязанных значениях: как обусловленность уголовной политики множеством факторов экономического, политического, нравственного и т. д. порядка, и как зависимость уголовной политики от иных направлений политической деятельности государства.

Последний момент четко зафиксирован в одном из учебников. «В стабильном обществе, – пишут его авторы, – направления, связанные с формированием и реализацией уголовной политики, находятся на втором плане решаемых государством проблем. В этих условиях уголовная политика является вспомогательной (обеспечивающей) по отношению к экономической, идеологической, социальной и другим направлениям деятельности государства». И тут же продолжают: «В условиях политической и социально-экономической нестабильности резко возрастает дестабилизирующее влияние преступности и уголовно-политические решения становятся

⁵ Гелих О. Я. Необходимость и случайность в детерминации современной военно-политической обстановки : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Москва, 1991. С. 13.

одним из важных и актуальных средств стабилизации государства и общества, повышения авторитета власти»⁶.

Вторая часть цитаты требует внимания. Представляется, что актуализация уголовно-политических решений едва ли определяется сегодня дестабилизирующим влиянием преступности на обстановку в стране (напомним, что преступность на протяжении последних лет сокращается, чего нельзя сказать о количестве уголовно-правовых запретов. В основе повышенного внимания к уголовному праву находятся прежде всего обстоятельства, связанные с трансформацией представлений о его реактивном характере и утверждении рискологической уголовно-правовой парадигмы. Новая парадигма безопасности, – пишет Д. В. Мирошниченко, – переориентирует уголовное право с оценки фактически причиненного деянием ущерба на оценку вероятности причинения вреда охраняемым ценностям и на управление социальным риском, что изменяет критерии общественной опасности деяния и расширяет основания уголовно-правового вмешательства⁷.

В рамках реализации этой парадигмы становятся заметными как минимум три важные характеристики текущей уголовной политики.

Во-первых, уголовная политика утрачивает значение самостоятельного, цельного объекта государственной деятельности, все более превращаясь в инструментальное средство, хаотично и мозаично используемое для правовой (силовой) поддержки реализуемого в стране курса. Это обеспечивает фрагментаризацию уголовной политики, ее построение в каждой отдельной области реализации на основе различных и порой противоречащих друг другу принципов (стоит ли убеждать профессионалов, что уголовная политика в отношении предпринимателей и политика в отношении иноагентов – это две принципиально разные политики). Совершенно не случайно, наверное, оказались безуспешными и все многочисленные попытки создать и, главное, утвердить концепцию (стратегию, доктрину) уголовной политики страны. Очевидно, что государство не намерено всерьез связывать себя обязательствами по использованию уголовного закона тем или иным строго определенным и единым способом. Ему необходима в этой части свобода от дополнительных ограничений, в т. ч. допускающая принятие непрогнозируемых уголовно-политических решений. Объективной предпосылкой такого подхода служит, по всей видимости, убежденность в том, что усложнение структуры общественных отношений в современных реалиях не располагает к долгосрочному планированию, а вынуждает их участников реагировать на происходящие изменения в режиме цейтнота [15, с. 22], при этом исключительно ситуативно использовать все многообразие доступных принципов принятия решений [16, с. 79].

Во-вторых, опора на парадигму обеспечения безопасности увеличивает масштабы уголовно-политических решений, принимаемых в условиях неопределенности, когда неизвестно, будут ли в реальности совершаться те или иные и какие именно действия и неизвестно, насколько реально опасными будут они и их последствия. В идеальной картине угрозы, от которых государство стремится защитить себя и своих граждан, должны быть просчитаны (в т. ч. математически) и четко артикулированы. В реальности же они предстают как некая абстрактная вероятность абстрактного вреда от абстрактных деяний. В такой ситуации, как выразился М. С. Гринберг, исключение нежелательных случайностей становится исходной формой управления случайными процессами. Житейское правило «Не хочешь следствия – устрани причину» модифицируется в предписание «Не хочешь следствия – устрани любую, самую маловероятную его причину». Применяется то, что в терминах теории надежности называют методом избыточных ограничений [17, с. 173].

В-третьих, традиционное уголовно-правовое реагирование на слабо артикулируемые и вероятностные угрозы, которые могут возникать в самых разных сферах государственного администрирования, лишенное к тому же самостоятельной и цельной стратегии, делает результаты такого воздействия также вероятностными, а в некоторой части и непредсказуемыми. Разумеется, цели предупреждения преступлений и исправления преступников никогда не достигались с необходимой полнотой, результат их достижения всегда был вероятным. Но в текущей ситуации эта вероятность катастрофически снижается (хотя бы потому, что неизвестно, действительно ли надо исправлять лиц, совершивших запрещенные Уголовным кодексом Российской Федерации⁸ деяния, и действительно ли эти деяния общественно опасны)

⁶ Ревин В. П., Жариков Ю. С., Ревина В. В. Уголовная политика : учебник. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2026. С. 31.

⁷ Мирошниченко Д. В. Теория общественной опасности деяния в уголовном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2026. С. 16.

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

на фоне возрастания вероятности наступления непрогнозируемых последствий введения и применения уголовно-правовых запретов.

Таким образом новая парадигма уголовно-правового воздействия обуславливает формирование и реализацию уголовной политики, которая призвана обеспечить безопасность от вероятностных, в т. ч. и случайных угроз, не гарантируя при этом наступления желаемого результата и создавая риски наступления непредвиденных и нежелательных последствий. Уголовная политика перестает быть детерминированной результатами реализации иных направлений государственной политики. Она «растворяется» в этих направлениях, утрачивая свойство целостности и самостоятельности, что с неизбежностью привносит в нее хаотические черты и существенный элемент случайности, которые дополнительно стимулируются возрастающей скоростью принятия решений.

Политические риски и хаос

Недостаточно сказать, что современная уголовная политика пронизана уголовно-политическими рисками. Поскольку принятие уголовно-политических решений вплетено в ткань государственной политики и выступает частью реализуемого в стране политического курса, постольку риски таких решений уже не ограничиваются областью борьбы с преступностью, но приобретают характер и значение общих политических рисков.

Понятие политического риска изначально употреблялось для исследования проблем влияния политических факторов на экономические отношения. В дальнейшем его сфера расширилась, и сегодня политический риск можно определить как возможную неблагоприятную, нежелательную тенденцию развития социальных отношений (экономических, культурных, правовых и др.), которая порождается политической системой [18]. При этом, учитывая уже отмеченные выше теневые и субъективистские схемы принятия политических решений, политический риск сегодня отличается значимым дисбалансом ответственности, при котором последствия принятия политических решений по факту одним человеком распространяются на все общество [19, с. 42].

Политические риски, исходящие от деятельности государственных структур, закономерным образом множатся по мере увеличения масштабов самой государственной деятельности. Парадокс ситуации в том, что разрастание рисков в современной социальной среде (в экономике, науке, экологии, международных отношениях и т. д.) стимулирует государство к реагированию на эти риски, к расширению сферы государственного управления, что в свою очередь пополняет номенклатуру самих рисков.

Граждане стали возлагать надежды на свое правительство в деле решения ряда проблем, а также оказывать давление на правительство с целью уменьшения почти всех видов риска, бремя которых может лечь на плечи каждому [20]. Ответом на этот вызов является всемерное усиление силовых институтов государства, призванных обеспечить безопасность общества, с явным акцентом на его внутреннюю политическую стабильность. Власть становится одним из институциональных средств редукции рисков, но при этом она становится и основным источником воспроизводства рисков, институциональным механизмом трансформации и порождения новых неопределенностей, угроз и опасностей [16, с. 78].

Порожденная потребностью в контроле социальных рисков деятельность государства сама по себе наполнена политическими рисками, реализация которых лишь усиливает рискованные свойства социума.

Умножение рисков при отсутствии выверенной стратегии контроля над ними способно трансформировать имманентное состояние неопределенности общества в состояние аномии, а в сфере права – привести к правовому хаосу. Теоретики права пишут: «Деятельность законодателя с его попытками урегулировать и закрепить в правовых нормах все существующие в обществе отношения приводит к обратной ситуации, воцаряются обстановка безнормия и состояние юридической аномии» [21, с. 27–28]. Правовой хаос, – уточняет Ю. Ю. Ветютнев, – выражается в крайней непредсказуемости и нестабильности проявлений правовой жизни. При правовом хаосе ставится под сомнение общеобязательность правовых норм, они перестают соблюдаться, применяются ситуативно, когда этого требует целесообразность. Меры юридической ответственности за противоправные деяния назначаются выборочно. Представления о необходимости равного и единообразного применения законов утрачивают свою актуальность. Падает значение формальной определенности и системности права. Граждане и должностные лица не просто перестают считаться с требованиями права, для них становится непонятным, что является запрещенным и что разрешенным [22, с. 77].

Стоит ли лишний раз говорить о том, что хаос и случайность – две стороны одной медали? Неупорядоченные и множественные риски, порождающие хаос, открывают случайности широкоую дверь во все сферы социальной жизни, в т. ч. и в область уголовного права и уголовной политики.

3 заключение

Представленное выше, будучи первым опытом приближения к теме случайного в уголовной политике, разумеется, не лишено упущений и, скорее всего, изложено слишком общими фразами и грешит обильным цитированием непрофильной для уголовно-правовых наук литературы. Все это так. Несмотря на это, считаем возможным признать результативность этого опыта, убеждающего в перспективности дальнейших разработок проблемы. Широко распространенная убежденность в том, что в политике нет и не может быть ничего случайного, конечно, накладывает серьезный отпечаток на содержание темы, но не перечеркивает ее полностью.

В этом отношении категория случайного обладает существенным потенциалом при исследовании таких уголовно-политических вопросов, как роль личности в формировании уголовной политики, конструирование уголовно-политических событий, принятие уголовно-политических решений в отсутствие общего плана, производство уголовно-правовых рисков, стимулирование и преодоление правового хаоса и др. Их последовательная разработка способна существенно образом обогатить уголовно-политическое знание, привести в сферу рассуждений об уголовном праве и его использовании достижения современной философии и политологии.

Список источников

1. Андрианов В. К. Трехединный законосообразный подход как основа уголовно-правового воздействия // Lex russica (Русский закон). 2026. Т. 79, № 1 (230). С. 134–151. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2026.230.1.134-151>
2. Гэртнер Ю. Политические решения в системе государственного управления: проблемы теории и практики // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 1. С. 300–310.
3. Лопашенко Н. А. Уголовная политика: размышления о непознанном и непознаваемом через полемику о ее чертах // Юридический вестник Самарского университета. 2026. Т. 12, № 1. С. 77–84. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2026-12-1-77-84>
4. Соловьев А. И. Политический лидер в административной среде государственного управления, или «Кто в доме хозяин?» // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 60–81. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.05>
5. Ромашов Р. А., Панченко В. Ю., Исаева А. А., Макачук И. Ю. О конституционно-правовых основах уголовной политики и ее системе // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 246–252. <https://doi.org/10.17223/15617793/452/31>
6. Яскевич Я. С. Рискогенное общество в контексте глобальных геополитических стратегий // Век глобализации. 2014. № 2 (14). С. 65–77.
7. Удадьцов В. Г. Необходимое и случайное в исторических явлениях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 2. С. 21–28.
8. Мауль В. Я. Закономерность и случайность в истории и историографическом контексте // Гуманитарный вестник : [сетевое издание]. 2014. № 3 (17). С. 1. <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2014-3-190>
9. Лопашенко Н. А. Уголовная политика по принципу «чего изволите?», или уголовный закон как средство решения всех проблем // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 1. С. 44–55.
10. Иванова М. Е. «Событие»: от обыденного понятия до научной категории // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 8. С. 111–119. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.19>
11. Сморгунов Л. В. О событийности политики и политической реальности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2012. Т. 8, № 4. С. 5–16.
12. Шатина Н. В. «Политическое событие» как область интерпретации российского экспертного сообщества // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2008. № 1. С. 217–226.
13. Аксеновский Д. И. Политическое событие как экономия и предел власти: опыт категоризации // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2008. № 1. С. 25–35.
14. Сморгунов Л. В. Событийное политическое знание и его значение для современной сравнительной политологии // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 122–133.
15. Вялых В. В. Социально-философский анализ политического риска // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6. С. 22–24.
16. Иванов А. В. Модернизация и семантика политического риска в пространстве рискогенного социума: онтологические основания // Система ценностей современного общества. 2015. № 40. С. 75–81.
17. Гринберг М. С. Уголовно-правовая значимость случайных (вероятностных) процессов // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 2 (31). С. 172–175.
18. Бордовских А. Н. Политические риски в условиях глобальных вызовов традиционным системам госуправления // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 1. С. 63–73. <https://doi.org/10.20542/afij-2020-1-63-73>
19. Баркова И. Л. Роль политических рисков в структурировании современного российского общества // Проблемы безопасности российского общества. 2012. № 1-2. С. 38–48.
20. Aharoni Y. The no-risk society. Chatham (NJ.) : Chatham house publ., Cop., 1981. 228 p.

21. Липинский Д. А., Малько А. В., Иванов А. А., Маркунин Р. С. Изменение уголовного закона как причина его дисфункциональности и проявления юридической аномии // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство»: [сетевое издание]. 2023. Т. 11, № 4 (44). С. 24–35. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-4-3>
22. Ветютнев Ю. Ю. О правовой случайности и правовом хаосе // Журнал Российского права. 2003. № 7 (79). С. 72–78.

References

1. Andrianov V. K. Triedinyj zakonosoobraznyj podhod kak osnova ugovolno-pravovogo vozdejstviya // Lex russica (Russkij zakon). 2026. Т. 79, № 1 (230). С. 134–151. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2026.230.1.134-151>
2. Gertner Yu. Politicheskie resheniya v sisteme gosudarstvennogo upravleniya: problemy teorii i praktiki // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2010. № 1. С. 300–310.
3. Lopashenko N. A. Ugolovnaya politika: razmyshleniya o nepoznannom i nepoznavaemom cherez polemiku o ee chertah // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2026. Т. 12, № 1. С. 77–84. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2026-12-1-77-84>
4. Solov'ev A. I. Politicheskij lider v administrativnoj srede gosudarstvennogo upravleniya, ili «Kto v dome hozyain?» // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. № 2. С. 60–81. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.05>
5. Romashov R. A., Panchenko V. Yu., Isaeva A. A., Makarchuk I. Yu. O konstitucionno-pravovyh osnovah ugovolnoj politiki i ee sisteme // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 452. С. 246–252. <https://doi.org/10.17223/15617793/452/31>
6. Yaskovich Ya. S. Riskogennoe obshchestvo v kontekste global'nyh geopoliticheskikh strategij // Vek globalizacii. 2014. № 2 (14). С. 65–77.
7. Udalcov V. G. Neobhodimoe i sluchajnoe v istoricheskikh yavleniyah // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2014. № 2. С. 21–28.
8. Maul' V. Ya. Zakonomernost' i sluchajnost' v istorii i istoriograficheskom kontekste // Gumanitarnyj vestnik : [setevoe izdanie]. 2014. № 3 (17). С. 1. <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2014-3-190>
9. Lopashenko N. A. Ugolovnaya politika po principu «chego izvolite?», ili ugovolnyj zakon kak sredstvo resheniya vseh problem // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2015. № 1. С. 44–55.
10. Ivanova M. E. «Sobytiye»: ot obydennoho ponyatiya do nauchnoj kategorii // Manuscript. 2020. Т. 13, № 8. С. 111–119. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.19>
11. Smorgunov L. V. O sobytijnosti politiki i politicheskoy real'nosti // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2012. Т. 8, № 4. С. 5–16.
12. Shatina N. V. «Politicheskoe sobytie» kak oblast' interpretacii rossijskogo ekspertnogo soobshchestva // Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie. 2008. № 1. С. 217–226.
13. Aksenovskij D. I. Politicheskoe sobytie kak ekonomiya i predel vlasti: opyt kategorizacii // Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie. 2008. № 1. С. 25–35.
14. Smorgunov L. V. Sobytijnoe politicheskoe znanie i ego znachenie dlya sovremennoj sravnitel'noj politologii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2011. № 1. С. 122–133.
15. Vyalyh V. V. Social'no-filosofskij analiz politicheskogo riska // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2013. № 6. С. 22–24.
16. Ivanov A. V. Modernizaciya i semantika politicheskogo riska v prostranstve riskogennoho sociuma: ontologicheskie osnovaniya // Sistema cennostej sovremennoho obshchestva. 2015. № 40. С. 75–81.
17. Grinberg M. S. Ugolovno-pravovaya znachimost' sluchajnyh (veroyatnostnyh) processov // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2012. № 2 (31). С. 172–175.
18. Bordovskih A. N. Politicheskie riski v usloviyah global'nyh vyzovov tradicionnym sistemam gosupravleniya // Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN. 2020. № 1. С. 63–73. <https://doi.org/10.20542/afij-2020-1-63-73>
19. Barkova I. L. Rol' politicheskikh riskov v strukturirovanii sovremennoho rossijskogo obshchestva // Problemy bezopasnosti rossijskogo obshchestva. 2012. № 1–2. С. 38–48.
20. Aharoni Y. The no-risk society. Chatham (N.J.): Chatham house publ., Cop., 1981. 228 p.
21. Lipinskij D. A., Mal'ko A. V., Ivanov A. A., Markunin R. S. Izmenenie ugovolnogo zakona kak prichina ego disfunkcional'nosti i proyavleniya yuridicheskoy anomii // Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo»: [setevoe izdanie]. 2023. Т. 11, № 4 (44). С. 24–35. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-4-3>
22. Vetyutnev Yu. Yu. O pravovoj sluchajnosti i pravovom haose // Zhurnal Rossijskogo prava. 2003. № 7 (79). С. 72–78.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.